

«АЛЕКСАНДРИЯ СЕРБСКАЯ» И «СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»*

«Сказание о Мамаевом побоище» (далее — Сказание) более других памятников Куликовского цикла насыщено фактическими подробностями. Однако этот памятник, удивительно созвучный идеологическим приоритетам московских правителей на рубеже XV—XVI веков, является носителем целого ряда бросающихся в глаза недостоверных известий и анахронизмов, ставших основой для формирования системы мифов вокруг Куликовской битвы¹. Мифологемы эти получили официальное признание, прозвучав в ряде масштабно отпразднованных юбилеев сражения, князя Дмитрия Ивановича и Сергия Радонежского.

Наиболее востребованной книгой юбилейных исторических интерпретаций стали не древнейшие памятники Куликовского цикла («Задонщина» и летописные повести), а именно написанное не ранее чем спустя столетие после битвы «Сказание о Мамаевом побоище». Это объяснимо — столько сведений о тактике войск, направлении похода и ходе сражения не сообщает больше ни один источник. «Сказание» в этом смысле оказалось идеальным документом для юбилея. Но вместе с тем чрезмерное использование памятника общественной мысли рубежа XV—XVI веков при реконструкции событий XIV столетия несколько не приблизило исследователей к истине, а, пожалуй, лишь отдалило от нее.

Есть целый ряд сюжетов, сообщаемых нам «Сказанием» и не повторяющихся больше нигде. Почти все эти сообщения стали объектами дискуссий как в научной среде, так и в обществе. Нередко «загадочные» эпизоды «Сказания» находят свое объяснение после обнаружения источника заимствования. Вместе с заимствованиями из других письменных источников, возникших много лет спустя после Куликовской битвы, в текст «Сказания» попадали очевидные анахронизмы. В тексте «Сказания» обнаружены следы влияния первых разрядных документов и «Повести о походе Ивана III на Новгород в 1471 году»².

Целый ряд фрагментов, отмеченных большим ситуативным и типологическим сходством, был обнаружен в результате сопоставления текстов Русской редакции Сербской «Александрии»³ и «Сказания о Мамаевом побоище»⁴. В этих памятниках имеются близкие чтения, схожие сюжетные линии и интересные параллели.

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ (проект № 02-01-16235а), автор также благодарит за поддержку его исследований благотворительный Фонд содействия отечественной науке.

¹ События использовать весь спектр известий о сражении, не утруждаясь скрупулезной критикой источника, оказался непреодолим в первую очередь для военных историков. См.: *Масловский Д.* Из истории военного искусства в России // Военный сборник. 1881. Август. № 8. С. 212, план; *Голицын Н. С.* Русская военная история. Ч. 1. СПб., 1877; *Карасев А. В., Оськин Г. И.* Дмитрий Донской. М., 1950. Схема 4; *Строков А. А.* История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955, схема 54; *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 2. М., 1957. С. 279. Та же особенность передачи и интерпретации ряда эпизодов истории Куликовской битвы наблюдается в ряде сочинений историков церкви, публицистов и литераторов. История интерпретации событий Куликовской битвы и известий источников является темой отдельного специального исследования. Об этой проблеме см.: *Петров А. Е.* Эволюция памяти о Куликовской битве 1380 г. в эпоху становления московского самодержавия (рубеж XV — XVI вв.): к вопросу о моменте трансформации восприятия «места памяти» // Исторические записки. Вып. 7 (125). М., 2004. С. 35–56.

² *Петров А. Е.* «Сказание о Мамаевом побоище» и становление разрядного делопроизводства // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения С. О. Шмидта Историко-архивному институту. М.: РГГУ, 2000. С. 99–106.

³ См.: *Вансеева Е. И.* О едином происхождении русских списков Сербской Александрии // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 152–161; *Она же.* К изучению истории текста Сербской Александрии: на материале ленинградских списков XV—XVII вв. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 114–123; *Она же.* Александрия Сербская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 21–25.

⁴ Для сопоставления привлечены списки вариантов «О» и «У» Основной редакции «Сказания».

Рассмотрим их подробнее.

«Александрия»	«Сказание о Мамаевом побоище»
Филон же, ту стоя, рече ко Александру: «Велики царю царем, превозлюбленный мой господине Александре, <u>не подобаешь тебе с Пором битися</u> царем, много бо подручных царей тебе есть, яко же Пор царь. Мне <u>подобает с ним битися</u> , а тебе не подобае, он бо есть индейский царь, а аз по твоей милости персом царь» ⁵ .	Мнози же русские богатыри удръжавше его, възбраниша ему, глаголюще: « <u>Не подобае тебе</u> , великому князю, наперед самому в пльку битися, тебе подобае особь стояти и нас смотрити, а нам <u>подобает битися</u> и мужество свое и храбрость пред тобою явити» ⁶ .

Здесь, как мы видим, и сюжетно и текстуально близкие фрагменты. В «Александрии» Филон, буквально назначенный Александром персидским царем, убеждает своего господина в том, что «индейский царь» Пор, с которым собрался биться Александр Македонский, не ровня завоевателю Вселенной, а всего лишь один из царей, каких много среди подручных Александра. Скорее, он — Филон, равен титулом Пору и должен с ним сразиться.

При всей текстуальной близости отрывков в «Сказании» ситуация выглядит несколько иначе. Совершенно ясно, что тут не может идти речи о титулярном превосходстве московского князя над Мамаем, которого автор памятника сам неоднократно именует «царем», поэтому в обращении «многих русских богатырей» к Дмитрию звучит иной мотив — о том, что великому князю не следует принимать личного участия в битве, да еще и встречать врага в передовом полку.

«Александрия»	«Сказание»
Сие рек Александр, на великого своего коня всед и шелом на главу свою положив, воинство свое на три части раздели и уряди, сам же в макидонском полку идяше, Антиоха же и Птолемея над двема полкома на бой уряди. И тако скочившу, борзо ударишася и оружья обломиша, и тако пилатикы и рогатинами ударишася и оружья обломиша, и не могуще мечей острых макидоньских терпети и начаша бегати, а макидоняне начаша их гоняти. Александр же замесився с ними идяще, и тако до Дариева стану приспевше. Дарий же, видев воинство свое разбиваемо на борза коня всед, побеже (Александрия. С. 30).	И вседе на избранный свой конь и взял копие свое и палицу железную и подвижеся ис полку... Уже бо, братие, в то время плькы ведут: передовой пльк ведет князь Дмитрей Всеволодичь, да брат его — князь Всеволодичь, а с правую руку пльк ведет Микула Васильевич с коломничи, а левую же руку пльк ведет Тимофей Волуевич с костромичи... И абие побеже поганый Мамай с четырьми мужы... Мнози же гонишася по ним и не одолеша их, понеже кони их утомишася, у Мамае же целы суть кони его, и убеже.

Данный фрагмент, хотя и обнаруживает определенное сюжетное сходство, но все же имеет аналоги в иных русских воинских повестях и вполне может быть причислен к числу «общих мест» (или иначе: трафаретов) для русских воинских повестей. Однако следует обратить внимание на то, что в «Александрии» мы наблюдаем более уверенное и органичное обращение с подобными трафаретами. Это видно и во фразе о начале движения македонского войска, и в описании бегства Дария. Автору «Сказания» пришлось фактически дважды обращаться к бегству Мамае, отдельно объясняя причину его удачного побега («целы суть кони его»). В «Александрии» же все это скомпоновано в короткую и чрезвычайно емкую фразу.

⁵ Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 51 (далее — Александрия).

⁶ Повести о Куликовской битве. М., 1959. (далее — Повести). С. 67; ср.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 177–176.

«Александрия»	«Сказание»
<p>В ту же ночь явился ему пророк Еремей во сне, глаголя: «Поиди, чадо Александре, без сумнения на Дариа царя, с собою имея помощника Бога Саваофа. Носи на главе своей и камень той, имеющъ имя господа Бога Саваофа, его же дах тебе во Иерусалиме, усты же своими глаголи, егда на бой поидеши: “Един свят, един Господь, небо и землю сътворивый, на херувимех почиваяй, Аданай, Саваоф Бог”. Сие рек, победи, аще весь мир супротивится тебе». Сие рек, пророк невидим бысть (Александрия. С. 30).</p>	<p>Князь же великий вкуси хлеба их, игумен же Сергей в то время повеле воду освящати с мощей святых мученик Флора и Лавра. Князь же великий скоро от трапезы встаетъ, преподобный же Сергей окропи его священою водою и все христолюбивое его вѣинство и дасть великому князю крест христов — знамение на челе. И рече: «Поиди, господине, на поганья половци, призывая Бога, и Господь Бог будетъ ти помощник и заступник». И рече ему тайно: «Имаши, господине, победити супостаты своя, елико довлеетъ твоему государству» (Повести. С. 51–52)</p>

Сюжет благословения пророком Иеремией Александра Македонского обнаруживает поразительное сходство с благословением, наставлением и пророчеством Сергея Радонежского в «Сказании». Очевидно, что здесь не случайное совпадение сюжетов. Хорошо заметно, что автор «Сказания» был знаком с текстом «Александрии». Интересно, что если пророк Иеремия (Еремей русской редакции памятника), явившись во сне Александру, наказывает ему надеть священный камень, полученный уже ранее Александром в Иерусалиме, который и принесет успех Македонскому, то автор-составитель «Сказания» вынужден будет еще раз вернуться к теме чудесного талисмана. Как известно, на Дон пришло послание от Сергея с грамоткой и богородичной просфорой в качестве вещественного подтверждения пророчества⁷.

«Александрия»	«Сказание»
<p>Александр же, сие слышав, Селевка воеводу с тысящью тысячъ воинства посла в некое место съкрытися повеле (Александрия. С. 54).</p>	<p>И отпусти князь великий брата своего князя Владимира Андреевича вверх по Дону в дуброву, яко да тамо утаится плък его, дав ему достойных вedomцов своего двора, удалых витязей, крепких вѣинов. И еще с ним отпусти известнаго своего вѣеводу Дмитрея Волынскаго и иных многих (С. 66).</p>

Вышеприведенный фрагмент, пожалуй, наиболее ярко демонстрирует несомненность взаимодействия двух повестей между собой. Здесь дано описание того как, соответственно, Александр и Дмитрий выделяют резерв перед битвой. Такой сюжет вряд ли имеет смысл относить к популярным книжным штампам, типичным для русских воинских повестей. Помимо «Александрии» и «Сказания», попытка описать нечто похожее имеет место лишь в повестях о взятии Казани. Как известно, ни один из более древних, нежели «Сказание», источников о Куликовской битве не сообщает нам о выделении засадного полка в русском войске. Исключение тут составляет лишь один список Пространной летописной повести из Новгородской IV летописи Дубровского. Но, как уже отмечалось в научной литературе, этот поздний список сам испытал на себе влияние

⁷ Несколько иную трактовку данный сюжет получил в Житии Сергея Радонежского (см.: Третья Пахомиевская редакция Жития Сергея Радонежского // Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергея Радонежского. М., 1998. С. 403–404). Трактовку этого фрагмента см.: Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

«Сказания». Наиболее явно это прослеживается во фрагментах, посвященных описанию уряжения полков и действий Засадного полка.

В «Александрии» сюжет с засадой повторяется не раз: «Да в кый час грамота сия приидет в руку твою, в той час своим воинством *западным* на Индею отгуду гряди, а ко мне весть посылай...»; «В кый час Порова воинства обедати начаша, тогда Филон, челом ударив Александру, чрес реку прескакавше, на поле предние свалишася, а задние яко по суху преидоша»⁸.

«Приспевше же во Евагридову землю, на 3 полкы воинство свое уряди, 100 тысящ на плен, 100 тысящ на град Евагрид, 100 тысящ в луг близ града сокры»⁹. Этому эпизоду предшествует рассказ о перевоплощении/переодевании Александра и Антиоха — одного из его ближайших воевод: «...а Антиоха мниха (слово *мних* лишь в одном Ефросиновском списке. — А. П.) воеводу вместо себя постави, на царьском престоле посади, а сам яко един от властель Антиоху предстояше»¹⁰. Как мы знаем, в «Сказании» также имеет место малопонятный и всегда объясняемый с большими натяжками фрагмент о переодевании Дмитрия Ивановича перед сражением и обмене доспехами с Михаилом Бренком. Последний в княжеских доспехах и «царской приволоке» был оставлен под великокняжеским стягом, где впоследствии и обрел свою смерть.

Конечно, в данном случае не приходится говорить о большой текстуальной близости соответствующих фрагментов «Александрии» и «Сказания», однако сюжетное влияние несомненно.

«Александрия»	«Сказание»
<p>...Каков человек есть Пор? ...Телом убо велик есть и очима зерк и сожмарлив поиди убо, Александре, не устрашайся, помощью великого бога Саваофа и храбростию своею имаши победити его. Александр же рече, имя бога Саваофа призывая, рек:... И се рек, копие в руку прием, из воинства своего прямо на бой поехав. И съехавшеся оба, Александр и Пор, копии ударишася и копия обломишася, и пилатицы исторгоша, по десятижды ударишася, и мечи исторгоша и притупиша (Александрия. С. 53).</p>	<p>...выеде злый печенег из великого плъку татарьскаго, пред всеми мужеством являся, подобен бо бысть древнему Голиаду: пяти сажень высота его, а трех сажень ширина его. Видев же его Александр Пересвет старец, иже бе в плъку Владимира Всеволодовича, и двинулся ис плъку и рече... Напусти на печенег и рече: «Игумен Сергей, помогай ми молитвою!» Печенег же устремися противу ему. ...И ударишася крепко копии, едва место не проломися под ними. И спадше оба с коней на землю и скончашеся (Повести. С. 68–69).</p>

Сцены поединков Александра с Пором и Александра Пересвета с печенегом в «Сказании» также обнаруживают известное сходство между собой. Однако и этот сюжет может быть отнесен к числу обычных явлений для жанра воинской повести. Обращает на себя внимание отождествление ордынского богатыря в «Сказании» с печенегом, что может свидетельствовать о знакомстве автора «Сказания» с «Повестью временных лет», где подобные эпизоды встречаются дважды: Мстислав Тмутороканский борется с касожским князем, а воин Владимира Святославича с печенежским борцом: «Выпустиша печенежи мужь свой, бе бо превеликъ зело и страшень...»¹¹. Все эти описания поединков акцентируют внимание читателя на равенстве сил противников и упорности единоборств. Однако если в ПВЛ в обоих случаях борьба завершается полной победой русских богатырей, то в «Александрии» Александру удается победить лишь хитростью после трех смен оружия (копья, палицы, мечи). В «Сказании» же итогом поединка стала

⁸ Александрия. С. 50–51.

⁹ Там же. С.56.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 55.

смерть обоих воинов. Очевидно, здесь автор «Сказания» следовал логике собственного повествования, согласно которой сергиевскому монаху, «вооруженному» троичским игуменом схимою с крестом на челе, было неуместно проявлять искусства владения копьем и фехтования булавами и мечами.

Еще одно немаловажное обстоятельство: в поединках «Александрии» и «Повести временных лет» схватка богатырей замещает собой само сражение, поэтому поединку предшествует тщательное оговаривание условий — что ждет победителя и побежденных. В «Сказании» этого не происходит: схватка возникает как будто не из чего — сама собой, завершается гибелью обоих воинов, а сражение идет своим чередом.

Уже давно привлекают внимание исследователей имена богов, призываемых на помощь Мамаем во время бегства: «Безбожный же царь Мамай, видев свою погыбель, нача призывати боги своа Перуна и Салавата и Раклия и Гурса и великого своего пособника Махмета»¹². Комментаторы «Сказания» чаще всего полагают, что Перун и Гурс-Хорс — это славянские языческие божества, упомянутые в целях подчеркивания «идолопоклонства» Мамаия, о котором в начале повести прямо говорится, что он «елинъ сый верою, идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьянский укоритель»¹³. Махмета соотносят с мусульманским пророком Магомедом, а происхождение Салавата и Раклия не находит объяснения вовсе¹⁴.

Перечисление столь разнородных богов — очень редкое явление в русской литературе и находит себе аналогию разве что в тексте «Александрии», в рассказе о посещении Александром Македонским царства мертвых: *Ираклия виде, и Аполона, и Крона, и Ермина, их же боги имяху... Он же ему сказа вся, яко сии бяху еллинстии бози, за гордыню их и за превозношение, яко Богу небесному подобяхуся, на сих господь разгневался и в пещеру сию воврещи их повеле...*¹⁵. В списке богов «Александрии» явное перечисление представителей греческого языческого пантеона — Геракл, Аполлон, Кронос-Уран, Гермес. Косвенное указание на Ираклия как Геракла видим в другом рассказе «Александрии» — о царе Ираклии и Серамиде: «Ираклий царь и Серамидою царицею царствоваша Еллинскою землею и Тратинскою, иже от вас наричеться Макидония»¹⁶. Согласно греческим мифам, Геракл какое-то время правил греческими и фракийскими землями. Интересно, что в том же рассказе «Александрии» встречаем именование Ираклия Раклием: «И дворы пусты Раклиевы...»¹⁷.

Правдоподобное объяснение происхождения имен «элинских» богов «Сказания» возможно исходя из предположения о знакомстве автора памятника с «Александрией». Только тогда загадочный Раклий соотносится с Ираклием «Александрии». Очевидно, автор «Сказания» не рассчитывал на достаточное знакомство своих читателей с персонажами эллинского пантеона — отсюда попытка переосмыслить Кроноса как славянского Гурса-Хорса. Аполлон превратился в Перуна по иной причине. Это имя носили сразу несколько христианских святых¹⁸. Оно входило

¹² Повести. С. 71; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. (далее — Сказания). С. 45.

¹³ Сказания. С. 25.

¹⁴ Историко-литературный комментарий // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 403. Исключением является комментарий В. А. Кучкина к публикации «Сказания» по списку Ундольского (Памятники. С. 219, прим. 94), где обращено внимание на то, что, возможно, под Ираклием следует понимать древнегреческого философа, о котором писали хронографы.

¹⁵ Александрия. С. 58.

¹⁶ Александрия. С. 42.

¹⁷ Там же. С. 42.

¹⁸ Аполлон — египетский мученик (память 5 июня); Аполлоний, мученик (память 10 июля); еще три Аполлония — преподобный пустынный IV в., основатель обители (31 марта); мученик, пострадавший в гонения Диоклетиана (14 декабря) и Аполлоний Итальянский (30 июля). См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1992 (репринтное издание). Стб. 205–206.

в месяцесловы русских евангелий и апостолов и было достаточно широко известно¹⁹. Видимо, это обстоятельство заставило автора заменить Аполлона на главу русского языческого пантеона.

Интересно упоминание имени Салават в этом перечне. Это достаточно распространенное у тюрков мужское имя происходит от арабского именованья благодарственной молитвы Пророку Мухаммеду в исламе²⁰. Существуют целые сборники с популярными салаватами, которые рекомендуется произносить в любое время и в любом месте. Вероятно, автор «Сказания» персонифицировал наименование иноверной молитвы, чтение которой, несомненно, русские люди могли неоднократно наблюдать в своих контактах с мусульманами. Очевидно, для русского книжника, включившего имя Салават в перечень нехристианских богов, не было столь уж важно то обстоятельство, что непонятное и знакомое лишь по слуховому восприятию слово «салават» не может использоваться для наименования божества. Жизненные наблюдения и кругозор автора «Сказания» позволяли точно вычленив сакральный смысл слова, соотнести его с практикой именнаяречения у степных соседей и дополнить свой перечень богом Салаватом. Употребление этого имени является фактически ошибочным, как и в случае с другими богами этого эклектичного списка, но по духу и ситуативной уместности весьма точным и наверняка вызывающим адекватное восприятие у читателей-современников.

Еще одно непонятное место «Сказания» находит интересную параллель в тексте русской редакции Сербской Александрии. Фрагмент о том, как князь Дмитрий обращается к митрополиту за советом и поддержкой, завершается поучением Киприана, в котором звучит следующая мысль: «Нъ вамъ подобаетъ, княземъ православнымъ, техъ нечестивыхъ дарми утолити четверицею сугубь»²¹. Возникает целый ряд вопросов: что это за «четверица», по отношению к какому целому это четвертая часть и т. п.? В «Александрии» тема «четверти» поднимается накануне решающего поединка Александра с Пором, когда индийский царь пытается переманить на свою сторону македонского посла Филона: «Ныне уже царствовати не имать Александр, от руки бо моя умрети имат, и ты убо животом своимъ промышляй, мой ты, Филоне, буди, и персомъ царь буди до кончины живота своего и моего, во Индеи четвертую ти часть дам». Филон же к нему рече, яко «И ныне царь есмь персомъ, и ты даеши ми четвертую часть Индеи, Александр всю Индею дал естъ мне: егда ю примет, тогда мя царя сътворит в ней»²². Далее Пор предлагает Филону более почетные условия — выдать за него свою дочь, а после своей смерти — власть над всей Индией. Необходимо отметить, что весь сюжет о посольстве Филона весьма напоминает посольство Захария Тютчева к Мамаю. Не случайно, согласно тексту «Сказания», следом за поучением Киприана с малопонятной «четверицей» следует сообщение о посольстве Тютчева²³. Вообще, по тонкому наблюдению В. М. Кириллина, в отличие от «Сказания», в «Александрии Сербской» четверичная символика играет особую роль, передавая смысловую информацию и являясь доминирующим нумерологическим элементом повествования. При этом в сербской Александрии число 4 оказывается связанным с образом Александра Македонского²⁴.

Помимо ситуативных, текстуальных и сюжетных параллелей «Александрии» и «Сказания», в тексте повествования о Куликовской битве находим несколько прямых отсылок к роману об Александре Македонском. Литовские князья, восторгаясь русским войском, говорят: «Нестъ

¹⁹ Архангельское евангелие 1092 года. М., 1997. С. 321. Л. 140, 4; Ср.: *Невоструев К. И.* Исследование о Евангелии, писанном для новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века, в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века // Мстиславово евангелие XII века. Исследования. М., 1997. С. 490.

²⁰ «Салават (арабск.) — мольба о возвеличании Пророка Мухаммада, мир Ему, и о сохранении общины Его последователей, Салават-шарифы (молитвы благословения)». См.: Печать Пророков. М., 2001.

²¹ Сказания. С. 28–29.

²² Александрия. С. 52–53.

²³ Сказания. С. 29.

²⁴ Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI – XVI века). СПб., 2000. С. 89–99.

было прежде нас, ни при насъ, ни по насъ будетъ таково вѣнство уряжено. Подобно есть Александра царя макидонскаго вѣнству»²⁵. Дмитрий Иванович, объезжая поле битвы после сражения и увидев тело Михаила Бренка, уподобляет своего «напрѣстника» «древнему Авису... иже бе от плѣку Дарьева Перскаго, иже и сей тако сѣтвори»²⁶. Любимый воевода Дария, предвидя грядущее поражение своего господина, ценой собственной жизни попытался организовать покушение на Александра. Интересно, что образ Ависа встречается лишь в Сербской Александрии, получившей свое распространение на Руси лишь во второй половине XV столетия. Русскую редакцию Сербской Александрии представляют и все лицевые списки памятника, в том числе и те, что соседствуют со «Сказанием о Мамаевом побоище». Отметим, что большинство указанных выше фрагментов «Сказания», в которых выявляется знакомство автора памятника с «Александрией», достаточно сложны для интерпретации. В них присутствует и путаница, и признаки непонимания текста своего источника. Это дает нам право заключить, что именно «Александрия» оказала влияние на «Сказание».

По мнению Я. С. Лурье, оригинал русской редакции Александрии Сербской возник незадолго до 1491–1492 года (этим временем датируется самый ранний список «Александрии», выполненный Ефросином)²⁷. Среди русских списков Сербской Александрии подавляющее большинство относится к Ефросиновскому виду, однако существует и еще ряд видов «Александрии» русской редакции, но судя по всему, все эти разновидности имеют общее происхождение²⁸.

Таким образом, Сербская Александрия русской редакции оказала влияние на «Сказание о Мамаевом побоище». В «Сказании» налицо стилистическое переосмысление фрагментов и эпизодов «Александрии».

Как уже неоднократно отмечалось, «Сказание о Мамаевом побоище» было одной из самых популярных русских воинских повестей. Наибольшее число списков этого произведения дошло до нас от XVII–XVIII веков. Именно этим временем датируются почти все лицевые списки повести. Известен лишь один лицевой список XVI века, вошедший в Лицевой летописный свод, который, однако, резко отличается от всех остальных иллюстрированных рукописей «Сказания» и стилем миниатюр, и литературной редакцией памятника. В Лицевом своде представлена поздняя Киприановская редакция Сказания, тогда как в остальных лицевых списках — самая ранняя Основная. На этом основании «Сказание» в составе Лицевого летописного свода изучалось всегда отдельно от остальных лицевых списков памятника²⁹.

Помимо этого списка, в настоящее время известно еще 8 рукописей «Сказания» с миниатюрами. Все они сосредоточены в книгохранилищах Лондона и Москвы. Имеет смысл перечислить здесь эти списки. Причем в предлагаемом перечне, помимо шифра рукописей, указана их датировка и условное обозначение, принятое в науке: Библиотека Британского музея Y. T. 51, XVII век — Л; РГБ. Музейное собрание. № 3123. Кон. XVII века — P1; РГБ. Музейное собрание. № 3155. Кон. XVII — нач. XVIII века — P2; РГБ. Собр. Прянишникова. № 203. 1894 г. — П; ГИМ. Собр. Уварова. № 1435. XVII век — Ув; ГИМ. Музейное собрание. № 2596. XVII век — М; ГИМ. Собр. Барсова. № 1798. Нач. XVIII века — Б; ГИМ. Собр. Уварова. № 999а. Кон. XVII века — Ув 999³⁰.

²⁵ Сказания. С. 39.

²⁶ Там же. С. 47.

²⁷ Лурье Я. С. Археографический обзор // Александрия. С. 207–209.

²⁸ Вансеева Е. И. О едином происхождении русских списков Сербской Александрии // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 161.

²⁹ Амосов А. А. Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного (Заметки к проблеме прочтения миниатюр свода) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 49–61; Черный В. Д. «Мамаево побоище» в древнерусских миниатюрах (Миниатюра как культурно-исторический феномен) // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 200–209.

³⁰ На сегодняшний день изданы три из перечисленных здесь списков: P1 — Сказание о Мамаевом побоище (с предисл. С. К. Шамбинаго). СПб., 1906; Ув — Сказание о Мамаевом побоище. М., 1980; Ув999 — Сказание о Мамаевом побоище. Лицевая рукопись XVII века из собрания ГИМ. М., 1980.

Изучению этих восьми списков посвящены две статьи Л. А. Дмитриева³¹. В результате своего исследования ученый пришел к выводу, что все лицевые списки Сказания восходят к единому архетипу лицевого Сказания. Наиболее близким к этому архетипу является список Л, восходящий одновременно и к протографу одного из старших вариантов Основной редакции — У. Все остальные лицевые списки Л. А. Дмитриев разделил на две группы, условно назвав их Архаической и Северной. К Архаической он отнес списки Б, Р2 и Ув999, а к Северной — Ув, Р1, М и П. Появление первоначального лицевого Сказания Л. А. Дмитриев относит к XV веку³².

Тем не менее, в настоящее время возникла необходимость внести некоторые уточнения в схему Дмитриева. Одно из таких уточнений касается истории формирования изобразительного ряда лицевого Сказания. Л. А. Дмитриев констатировал, что во всех лицевых списках памятника имеются миниатюры на 98 сюжетов, и предположил, что либо все они были в первоначальном лицевом Сказании, либо некоторые из них принадлежат творчеству тех копиистов, которые делали тот или иной список³³.

Анализ миниатюр всех списков подтверждает второе предположение. В некоторых рукописях имеются такие миниатюры, которые просто не могли находиться в первоначальном лицевом Сказании. Такова, например, последняя миниатюра списка Ув999³⁴. Она иллюстрирует совершенно оригинальный, не повторяющийся больше ни в одном списке памятника текст о встрече Дмитрия Донского в подмосковном Коломенском гостями-сuroжанами и народом. Этот фрагмент, очевидно, принадлежит творчеству переписчика книги, по какой-то причине лишенного текста оригинала. Основной текст рукописи Ув999 точно следует тексту Основной редакции памятника и близок вариантам У и Михайловского. В самом конце повести, в рассказе о возвращении русских войск с Дона, следует нелогичный обрыв текста Основной редакции и появляется вставка, повествующая о встрече князя в Коломенском, а затем о встрече его митрополитом в Котлах. Фразы, которыми написан этот фрагмент, чрезвычайно просты и малоинформативны. Речь митрополита к князю Дмитрию в сокращении повторяется по адресу к Владимиру Серпуховскому, затем — к литовским князьям и, наконец, еще раз для всех русских князей и воинов: «Умыслиль еси Государь наш желанно пострадати за Христову веру, и за святыя церкви, и за насъ, своихъ богомолцевъ, и за все православное христианство, и за святую свою Рускую землю. Богъ тебя государя нашего сохранить и помилуетъ благодатию своею... Потом же преосвященнии Киприянь митрополить благословиль брата его князя Владимера Андреевича, и осени его крестомъ и молитву сотвори: ...открыль тебе Богъ пострадати за провославную веру Христову, и за святыя церкви, и за нас своихъ богомольцевъ, и за все православное христианство. Богъ тебя государя нашего хранить и помилуетъ благодатию своею. И тако же митрополит благослови литовскихъ князей:...» и т. д.³⁵. Складывается такое впечатление, что переписчик не успел в срок списать текст Сказания с предоставленного ему списка, а лишившись его, вышел из положения, дофантазировав концовку повести. Причем, такой образ действий диктовали ему обстоятельства, ведь судя по записи в конце книги, рукопись была изготовлена в посадской среде на заказ и писец спешил выполнить работу к какому-то сроку³⁶. Поражает, насколько глубоко этот весьма спонтанно возникший эпизод вошел в память о событиях Куликовской битвы в качестве достоверного факта. Однако это специальная тема, касающаяся не только данного фрагмента.

³¹ Дмитриев Л. А. Миниатюры Сказания о Мамаевом побоище // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 239–263; Он же. Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т.28. Л., 1974. С. 155–179.

³² Дмитриев Л. А. Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». С. 176–179.

³³ Там же. С. 177.

³⁴ Сказание о Мамаевом побоище. Лицевая рукопись из собрания ГИМ. Текст. Л. 90. Миниатюра 27.

³⁵ Там же. Л. 90–94.

³⁶ Там же. Л. 94 об.; Дианова Т. В. Описание рукописи // Там же. С. 40.

Временем появления фрагмента о встрече русских войск купцами-сурожанами в Коломенском является конец XVII века. Миниатюра, строго следовавшая в данном случае за текстом и изображающая стоящих в несколько рядов людей (сурожан и народ) с дарами князю, не могла появиться раньше XVII века и, следовательно, не могла находиться в первоначальном виде лицевого Сказания³⁷. Помимо новых миниатюр, в XVII–XVIII веках к древним по своему содержанию миниатюрам был добавлен целый ряд характерных для Нового времени деталей. Появились царские венцы на головах Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского, а на некоторых миниатюрах в руках русских воинов можно увидеть огнестрельные пищади. Такие особенности наиболее отчетливо проявились в списках Северной группы³⁸.

Особенности текста и миниатюр списка Ув999 заставляют иначе, нежели предложено Л. А. Дмитриевым, представить взаимоотношение списков лицевого Сказания. По схеме Дмитриева развитие Архаической и Северной групп происходит независимо друг от друга, а все сходные черты миниатюр этих двух групп объясняются восхождением к общему архетипу XV века. Однако логичнее предположить, что в какой-то момент своей литературной истории произошло взаимодействие между Архаической и Северной группами памятника. Так, список Ув999, отнесенный Л. А. Дмитриевым к Архаической группе, имеет больше чтений, близких к спискам Северной группы, а содержание и манера исполнения его миниатюр роднит этот список и с Архаической, и с Северной группами. Причем изобразительный ряд Ув999 отстоит от миниатюр Лондонского списка значительно дальше, чем, скажем, изображения списка Р2.

Некоторого уточнения требует также и вопрос о времени происхождения и первоначальном варианте лицевого Сказания. Несомненно, что наиболее близким к оригиналу является список Л. Наиболее точное отражение миниатюр Л можно увидеть в списках Р2 и Б Архаической группы. Интересно, что и в той и в другой рукописи текст Сказания соседствует с лицевой «Александрией». Еще Л. А. Дмитриев предположил, что и в списке Л перед Сказанием была помещена «Александрия», о чем свидетельствует нумерация листов книги³⁹. С выходом в свет «Сводного каталога кириллических рукописей в Британских и ирландских собраниях» это предположение блестяще подтвердилось. Первая часть сборника, содержащего «Александрию» и «Сказание о Мамаевом побоище», была обнаружена в дублинской библиотеке Честера Бетти (W. 151)⁴⁰.

В XIX веке был известен еще один список, содержащий «Александрию» и «Сказание» в составе одного сборника. Это утраченная ныне рукопись библиотеки Архангельской семинарии⁴¹.

³⁷ Петров А. Е. Куликовская битва и сурожане: к вопросу о встрече сурожанами князя Дмитрия Ивановича в Коломенском в 1380 году // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 6. М., 1995. С. 58–67.

³⁸ Петров А. Е. Лицевые списки «Сказания о Мамаевом побоище» XVII–XIX веков. // Филевские чтения. М., 1995. С. 69–73.

³⁹ Дмитриев Л. А. Миниатюры Сказания о Мамаевом побоище. С. 256; Хилл Е. Ф. Один вновь обнаруженный лицевой список древнерусского памятника (Сообщение на IV Международном съезде славистов в Москве). Cambridge, England, 1958. С. 2.

⁴⁰ A Union Catalogue of Cyrillic manuscripts in British and Irish Collections. Compiled by Ralph Cleminsons. London. 1988. № 26. P. 36–37. Приведем здесь краткое описание первой части сборника по указанному каталогу: «Александрия». XVII в. (в. з. — «голова шута» с литерами BC) рукопись на 133 листах (6 л. — без текста) 290 мм/180 мм; содержит 73 цветных миниатюры; переплет поздний, картонный; состояние рукописи плохое, листы перепутаны, часть листов утрачена, особенно в начале и в конце рукописи.

⁴¹ Д. П. Лебедев в предисловии к «Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России», составленной А. Е. Викторovým, отмечал, что «Вообще при пользовании настоящим описанием надобно иметь в виду следующее обстоятельство: более чем вероятно, что некоторых из описанных здесь рукописей теперь уже не находится в библиотеке семинарии». Эти пропажи Д. П. Лебедев связывал с деятельностью торговцев антиквариатом и частных коллекционеров. Среди точно утраченных он назвал Паремийник XIV в., лицевую Псалтырь XV в., лицевую «Александрию» с «Задонщиной» и др. Несомненно, что последняя из указанных книг и является описанным А. Е. Викторovým списком лицевого сборника, содержащего «Сказание». Выходит, что исчезновение рукописи из библиотеки Архангельской Семинарии произошло еще до революции, после которой значительная и наиболее ценная часть Архангельских рукописей оказалась в книгохранилищах Петрограда и Ленинграда. См.: Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 1–2.

А. Е. Викторов оставил описание этой книги: «№ 245. Александрия и Сказание о Задонском бою. Полуустав Петровского времени в лист. На 299 листах. Рукопись с раскрашенными миниатюрами, каждая в половину или в полную страницу. В Александрии — 148, а в Сказании — 33 миниатюры. Заглавие “Сказания”: “Лета 6890 Сказание о Задонском бою и похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его, князю Володимеру Андреевичю, и всем княземъ, и бояромъ, и служивымъ людъ, и всему христоролюбивому воинству, и всемъ православнымъ христианомъ”. Начало: “Хоцемъ, братия, начати брань новья победы, како случися православнымъ христианомъ на Дону съ безбожными агаряны, како повысися рогъ Христа...”»⁴².

Судя по этому описанию, а также по заголовку и началу текста Сказания, которые полностью совпадают с заголовком и началом списка Р2, рукописи Архангельской семинарии и Р2 весьма близки. В Р2 так же, как и в Архангельском списке 33 миниатюры в Сказании, правда в Александрии — лишь 130. Но этот недостаток связан с тем, что в Р2 утрачены листы с началом. Можно предположить, что эти две рукописи принадлежат к одному протографу, а именно протографу Архаической группы.

Во всех лицевых списках «Сказания» Архаической группы читается один и тот же текст, принадлежащий варианту У Основной редакции памятника, а список Л и вовсе очень близок к протографу этого варианта. Вариант У возник лишь немногим позже древнейшего варианта «Сказания» — О и отличается от него лишь несколькими текстологическими изменениями. Все это говорит о том, что лицевое Сказание появилось небольшое время спустя после создания самого литературного памятника.

Наличие во всех рукописях, содержащих списки старшей группы лицевого «Сказания» «Александрии», позволяет предположить, что и первоначальная рукопись лицевого «Сказания» была в едином сборнике с лицевой «Александрией». Причем «Александрия» повлияла не только на текст «Сказания», но и на миниатюры его лицевых списков. Многие миниатюры, причем не только Архаической, но и Северной группы, имеют композиционное сходство с миниатюрами «Александрии». Различия между ними зачастую наблюдаются лишь в деталях. Надо думать, что особое выделение Северной группы списков лицевого Сказания произошло именно благодаря отделению его от «Александрии».

Дальнейшее изучение древнейшей истории лицевого «Сказания» немыслимо без исследования в комплексе с ним и «Александрии». Появление Сербской Александрии на Руси датируется концом XV века, к этому же времени относится и древнейший список памятника, созданный Ефросином около 1491 года⁴³. Интересно, что уже первые списки «Александрии» были иллюстрированы⁴⁴. Скорее всего, миниатюры Сказания создавались в подражание «Александрии»⁴⁵. Все эти данные позволяют искать время появления протографа лицевого сборника, содержащего «Александрию» и «Сказание», в начале XVI века. Активное переписывание этого своеобразного сборника в XVII—XVIII столетиях наложило свой отпечаток на художественную форму его миниатюр. Однако миниатюры списков Л, Р2 и Б сохранили в себе много реальных исторических черт, соответствующих рубежу XV—XVI веков.

Первоочередной задачей исследования «Александрии» и «Сказания» является текстологическое изучение лицевых списков обоих памятников в рамках единых сборников, а также сопоставительное изучение миниатюр Сказания и Александрии.

⁴² Там же. С.45.

⁴³ Ванцева Е. И. Александрия Сербская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Втор. пол. XIV—XVI в. Ч. 1. С. 21; Лурье Я. С. Археографический обзор. С. 186—187.

⁴⁴ Лурье Я. С. Археографический обзор. С. 214; См. иллюстр.: Александрия. С. 16—17.

⁴⁵ Конечно, такое предположение может стать утверждением лишь после тщательных искусствоведческих исследований миниатюр того и другого памятника.

Тем не менее, уже сейчас можно заключить, что Сербская Александрия русской редакции оказала существенное влияние на текст «Сказания о Мамаевом побоище». Это влияние отмечается в тех фрагментах, которые присутствуют во всех основных вариантах «Сказания», а значит, восходят к первоначальному тексту повести. Влияние русской редакции Сербской Александрии не могло произойти ранее последнего десятилетия XV века.

Выявленное взаимодействие «Сказания» с Русской редакцией «Сербской Александрии» позволяет говорить не только о сюжетной и текстуальной близости двух воинских повестей, но и отметить следующий факт: на рубеже XV–XVI в. «Сказание» и «Александрия» составляли единый лицевой сборник. Это еще один аргумент в пользу того, что первоначальный вариант «Сказания», восстанавливаемый из различных вариантов Основной редакции, создавался не частями, в разное время, а сразу, в одном месте, с использованием знакомых автору исторических повестей и документов. Эти повести, и документы отразились во фрагментах с анахронизмами, где перед нами предстает наложение одного пласта исторического сознания на другой.